

Он был ранен убийством

Опубликовано 20.01.1995 -
26.01.1995 - 17.02.1995 - 9/10

Каждый день включаешь телевизор и видишь на экране: лежит на земле человек, убитый другим человеком... Ни зверем, ни стихией, ни роком... Другим человеком...

Кажется, что все сошли с ума, оглядываешься – мир вокруг обычный, нормальный: спешат на работу, едят, курят, чинят обувь, злословят, сидят на концертах... В нашем сегодняшнем мире ненормален, странен не тот, кто надел на себя автомат, а другой – тот, кто, как ребенок, спрашивает, не понимает: почему же снова лежит на земле человек, убитый другим человеком?

Таким был Сахаров. Таким был Адамович, которого судьба трагически счастливо подарила мне как Учителя. Как друга мысли, может быть, самой внезапной и самой кардинальной мысли в конце XX века: почему один человек убивает другого человека? Мне кажется, что всю свою жизнь Адамович только об этом и думал и писал. Помните, у Пушкина: «Люблю войны кровавые забавы, и смерти мысль мила душе моей». Это XIX век.

«Когда Лев Толстой писал «Войну и мир» – спустя полвека после войны 1812 года, он мог (и «имел право») еще довольно «эпически» смотреть и рассуждать по поводу этого странного занятия людей – войн... С Толстого и началась истинная правда о человеке на войне. Все было у Толстого. Кроме этого, кроме одного: реального знания, что следующая мировая будет и последней – если люди ей позволят быть. Что оборвется, прекратится сама история человечества – после еще одной».

«Даже уничтожив запасы всеобщей смерти, люди сохраняют знание, как их снова создать. Обратного хода – к незнанию, неумению убить всех и вся – уже нет». Это у Адамовича. Это XX век...

Когда же к нему пришла эта мысль: содрать с почитаемого всеми бога Марса романтические одежды (теперь она не так уж и нова, но он был первым)? Сам вспоминал, что в партизаны мальчишкой пришел с Пушкиным и Толстым, выгреб из сумки буханку хлеба и втиснул книги. Толстой всю жизнь для него был нравственным пастырем, но так задеть сознание одно слово, только слово, пусть и гениальное, не могло. Мне кажется, что он был ранен убийством тогда, в юности, в партизанском лесу, когда увидел бесконечные обличья смерти – человека убитого, повешенного, растоптанного, размазанного по земле танковыми гусеницами, сожженного, замерзшего... Эти видения не отступали от него, мысль двигалась неотступно: один убитый, миллион убитых, все убиты... Тут он был верен толстовской логике – додумывать до конца. Мысль и жизнь столкнулись. Мысль и время. Получилось до конца жизни. До конца времени.

Чувство космического времени было для меня открыто им. Не знаю, многие ли сегодня в том сознаются, но именно Адамович первым назвал и сказал многие вещи, которые сейчас все повторяют. О бесконечности опыта зла. О военности нашего мышления. Был у его философской мысли тот европейский размах, которого сейчас так не хватает белорусской литературе, да и русской тоже. Границы Отечества не могут быть границами мысли, как бы нам и не дорого было все вокруг. Да вот вырваться из этого милого генетического плена не всякому под силу. А он был везде дома. Я слышала, как цитировали его мысли во Франции и Германии, в Польше, Болгарии, Москве...

Нашла у себя в дневниках запись одного из наших разговоров: «Спросила у А.М., война – это тяжелая работа и убийство, человек все время вертится среди смерти. Но проходит время, десятки лет, и человек вспоминает только о тяжелой работе: как не спали по трое-четверо суток, как таскали все на себе вместо лошади, как вмерзали в лед, а об убийстве никто не говорит. Не хочет говорить». Он ответил: «У войны, кроме смерти, есть множество других вещей. Это помогает стереть главное – мысль об убийстве. А ее легко спрятать в мысль о смерти, о героической гибели. Отличие смерти от убийства – это принципиально. В нашем же сознании это соединено».

В том же дневнике у меня остались знаки от наших других разговоров. Но только знаки. Без расшифровки. Я даже не помню, много ли мы говорили о чем-нибудь другом. Если и говорили, то что-то привычное, неяркое, оно стерлось. Но я тут же улыбаюсь, вспоминая, как мне рассказывала женщина, которую он любил, что, когда в первый раз он пригласил ее в ресторан, то говорил с ней весь вечер о том же – о войне, как человечеству выжить, спастись, что должна сделать литература, слово. На них даже стали оглядываться сидевшие за соседним столиком. Талант – это фанатизм, это неутолимость любимой мысли. Это чувство пути, как писал Александр Блок.

Мы – люди эпохи войн, так когда-нибудь о нас напишут, удивляясь, почему мы так мало писали о космосе и так много о войне. Какие красивые имена... Жизни... Адамович, Кондратьев, Нагибин... Но никто не остановил человека с ружьем. Он кажется вечным. Все державнее его шаг. Все ближе.

Его уже год нет. А рядом война, о которой мы и не догадывались. Лежит на улице Грозного человек, убитый другим человеком. И в небо смотрит...

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ

